

Владимир
ЛАЗАРЕВ

ПОДВИГ ПРОФЕССОРА ЛОСЕВА

Алексей Федорович ЛОСЕВ.

АЛЕКСЕЙ Федорович Лосев написал столько книг, что они, можно сказать, составили целую библиотеку. Библиотека, сотворенная одним человеком при том, что книги эти наполнены драгоценным содержанием неустанно работающей мысли, рождает чувство радостного изумления. Прежде всего — многотомная «История античной эстетики», капитальное, многообразное сочинение, без которого ныне невозможно представить отечественную гуманитарную науку в целом. Множество отдельно изданных книг, оригинальных, глубоких работ: «Философия имени» (1927 год), «Диалектика числа у Платона» (1928), «Диалектика мифа» (1930), «Античная музыкальная эстетика» (1960), «Аксиоматика знаковой теории языка» (1973), «Античная философия истории» (1976), «Эстетика Возрождения» (1978), «Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера» (1978) и многие другие. К этому следует добавить, что Лосевым написаны более ста статей для пятитомной «Философской энциклопедии», несколько десятков статей для двухтомника «Мифы народов мира». Он переводчик и интерпретатор Платона, Аристотеля, Плотина, Секста Эмпирика, Николая Кузанского...

Первая печатная работа Алексея Федоровича появилась в 1916 году. Сейчас ученому 90 лет. Жизненная тяга и огонь постоянно работающего духа плодотворны без каких-либо оговорок. При чтении его книг и всякий раз во время бесед с ним ощущаю необыкновенную свежесть и какую-то глубокую молодость постоянно ищущей мысли. Такое впечатление не у меня одного. Ясно, что мы имеем дело с личностью столь необыкновенной по плодотворности, что аналоги ей следует искать в даях русской и мировой истории.

Все вместе взятое придает «библиотеке», написанной Лосевым, ту подлинную таинственность, которая не исчезает с годами, а все более увеличивается, влечет к себе, как бы мерцает, как всякая духовная жизнь. Постигнуть эту тайну не просто — требуется сотворчество постигающей души, напряженная и вместе с тем не угрюмая, а как бы веселая работа ума, жаждущего разнообразных знаний. Ибо многогранная мысль неутомимого исследователя освещена лучами самых различных знаний: философии, филологии, математики, механики, астрономии, логики, этики, музыки... И все это — органично, глубоко, осмысленно.

Со страниц лосевских книг приходит не сухая информация, но возникают живые лица, яркие идеи, острые, выразительные диалоги, числа, выпуклые фигуры, сферы, пропорции и вся музыка времени. И притом с каждой страницы звучит свободно льющийся, гибкий, красочно звучащий голос автора. В этом сказывается прекрасный оратор, лектор: на протяжении многих лет А. Ф. Лосев — профессор Московского Государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Увлекавшие лекции. Сотни учеников, вышедших в жизнь. Но учеников у Лосева гораздо больше, чем вмещала и вмещает институтская аудитория: Лосева пристально читают и умудренные наукой мужи, и молодые люди, так или иначе решившие связать свою жизнь с литературой, искусством, философией.

Вот он сидит передо мной, сосредоточенный, в неизменной своей черной шапочке. Как будто спокойный (но я-то помню взрывы его темперамента во время лекций, во время полемики). Взгляд заочками словно бы обращен внутрь себя. На светлом, почти без

морщин лице проходят, сменяя друг друга, отблески одобрения, недоверия, мгновенного сопоставления понятий — процессов, постоянно происходящих в глубине сознания... Ироничная полулыбка часто блуждает на губах. Этот собеседник представляется мне живым символом великой библиотечной культуры. Но в самой истории культуры его интересует прежде всего **живые традиции**. Так было всегда, начиная с первой статьи Лосева «Эрос у Платона».

Неустанно работая, точно зодчий и каменщик одновременно, ученый как бы выстроил огромное прекрасное здание — живую модель античной эстетики. Эту многотрудную работу отличают единство стиля и многообразность исследования различных форм культуры.

Лосева глубоко интересует не только эстетика, но и все скрытые пружины культурного развития, интересует сама история развития духа. Известный философ Валентин Фердинандович Асмус назвал Лосева «одним из лучших во всем мире знатоков платонизма». К тому же Лосев вложил большой целенаправленный труд в издание собрания сочинений Платона.

Гигантские, энциклопедические познания, живое чувство диалектики, не дающее застыть этим познаниям, превратиться в «кладовую» интеллектуальных драгоценностей, наконец, здравый смысл — вот отличительные черты лосевского строя мышления. Кроме того, мне кажется, что научный объективизм эстетических построений, тяготение к строгой простоте доказательств сочетаются у Алексея Федоровича с сильно развитой интуитивностью мышления и каким-то особым одушевленным и даже, быть может, чувственным восприятием предметов, их смыслов и отражений и всей стихии бытия. Из этого, должно быть, и произрастает **лосевский стиль** устного и письменного изложения мысли. И в том и в другом случае возникает чувство истинного пира, участники которого — высокий ум, живое воображение, артистизм натуры, ирония, живое и вдохновенное расположение всего духа. А как забавно Лосев бранится со своими оппонентами, с каким веселым гневом обрушивается на них, какие молнии мечет в их адрес, точно он правнук — нет, еще ближе — младший брат античных богов!

Что проглядывает за всеми этими сочинениями, этими лекциями, этим стилем, этой непохожестью? Не только глубокая ученость, не только склад натуры, но весь рисунок жизни, вся жизнь, начиная с того времени, когда юный новочеркасский гимназист увлекся сочинениями французского астронома и писателя Камилла Фламари-

она, и несколько позже, когда мальчик, вооружившись биноклем, учился определять в торжественном и мерцающем ночном небе далекие таинственные созвездия. И когда обучался игре на скрипке, постигал азы математики, древнегреческого и латыни. (Отец Алеши Лосева, Федор Петрович, был преподавателем физики и математики в гимназии и в то же время страстным меломаном, дирижером в городском оркестре, скрипачом-солистом. С другой стороны зерно глубокого интереса к античности заронил в душу мальчика его гимназический учитель древних языков И. А. Микш, чех по национальности, образованнейший и увлеченный человек, к тому же видный переводчик русских писателей на чешский язык.) Микш подарил юному Лосеву первые четыре тома сочинений Платона в переводе на русский язык.

«Торжественно-философский интерес» к бесконечному звездному небу, переживание глубокого чувства «всеединства» овеет юную душу, как выхлоп, на всю жизнь.

Характер умственной и духовной деятельности завязывался рано. Математика, астрономия, музыка, увлечение театром, глубокий интерес к философии, первоначальное и к тому же неплохое умение разбираться в греческих и латинских текстах. Постепенно выработанное качество — тонкое понимание и критики источников. Московский университет А. Ф. Лосев окончил в 1915 году сразу по двум отделениям — философскому и классической филологии. Жизнь его в сокровенном смысле, несмотря на все повороты судьбы и тревожения, сложилась на редкость цельно. Алексей Федорович неоднократно замечал сам, что его «главнейшие научные труды оказались именно в этой срединной области философии и классической филологии».

В диалектике его интересовала в первую очередь «стихия непрерывного становления», и он остро переживал эту стихию и в философском, и в музыкальном смысле. Отсюда у Лосева и непреодолимый интерес к **проблеме времени**. (В 1977 году выходит лосевская «Античная философия истории», где он пишет о разных типах восприятия времени в античности.)

Большое, на всю жизнь, впечатление произвела на Лосева студента постановка тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» в Большом театре в 1913 году. Это событие отразилось и в ранних, и в поздних работах Лосева, в его трактовке симфоний Бетховена, музыки Шуберта, Скрябина, Рахманинова...

«Острый философско-музыкальный интерес сопровождает меня всю жизнь», — говорит

А. Ф. Лосев. Он приводит сокровенную мысль Бетховена о том, что музыка есть гораздо более высокое откровение, чем всякая мудрость и философия. И добавляет от себя: «Музыку понимаю как философское откровение, а философию — как музыкальный энтузиазм».

Этот редкий сплав глубокого и чуткого восприятия музыки и философии в коренном, органическом смысле весьма характерен для Лосева и совершенно необходим для понимания и оценки его мировоззрения. Он, наслаждавшийся диалектикой Фихте и Гегеля, глубоко освоивший натурфилософию и мифологию Шеллинга, вышел из университетского неоплатонизма. В то время он чувствовал себя больше учеником замечательного поэта и философа Вячеслава Иванова, чем своих университетских преподавателей. С Вячеславом Ивановым Лосев познакомился в то время, когда завершал свою дипломную работу по классической филологии «Мировоззрение Эсхила». Лосев вспоминает:

«Этот величайший знаток античности и прекрасный поэт отнесся к моей дипломной работе положительно, но не без критических замечаний, так что в дальнейшем я вынужден был переделать заново некоторые части своей работы и при том дополнительно привести некоторые неведомые мне раньше греко-латинские тексты».

Выпускник Московского университета Алексей Лосев вступал в мир в сложное, суровое время надвигающихся вихрей и социальных сдвигов. Молодой философ в двадцатые годы ведет курс эстетики и истории эстетических учений в Московской государственной консерватории. Здесь он сближается с другом С. В. Рахманиновым профессором композиции Г. Э. Конюсом, с профессорами М. Ф. Гнесиным, Н. А. Гарбузовым, с пианистом и композитором-этнографом С. А. Толстым, сыном великого писателя, А. Б. Гольденвейзером и Г. Г. Нейгаузом...

Работы этого периода (не считая ранней «О музыкальном ощущении любви и природы», относящейся к 1916 году): «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы»... Неустанно лосевские исследования различных форм человеческой культуры, ее скрытых пружин и глубоких процессов, интерес к самой истории развития духа, кроме своей объективной ценности, несли в себе всегда заряд необходимого присутствия в коллизиях горячего, свежего, движущегося дня. В чем это выражается? А вот хотя бы в том, что Михаил Михайлович Пришвин в своем дневнике 31 марта 1929 года записал:

«Нашел книжку на поддержку себе: Лосев «Диалектика античного космоса и современная наука». Это поход против

формальной логики и натурализма. Многие мне становятся понятными в себе самом, если я сумею представить себе античный космос и сопоставить его с современным научным. Имея то и другое в виду, интересно явиться к «запечатленному лицу» своего родного народа». (Пришвин неточно называет книгу Лосева, объединяя по существу две книги — «Античный космос и современная наука» (1927 г.) и «Диалектика мифа» (1930 г.).)

Очевидно, духовная связь Пришвина с Лосевым значительно глубже, чем это высказано в краткой дневниковой записи. Надо сказать, что среди пристальных читателей Лосева был не один Пришвин, но и многие другие крупнейшие деятели отечественной культуры.

Неослабевающий интерес к работам Алексея Федоровича закономерен: мировоззрению крупнейшего исследователя античности в значительной мере свойственны черты монументальности и вместе с тем — глубоко животворного движения. Его мысль, воспитанная на лучших традициях русской философской школы, классической немецкой философии, уже в 20—30 годы, при первом же знакомстве с марксистской литературой обогатилась опытом марксистской методологии. Процесс этот углублялся, выражаясь в заостренности социально-исторического элемента лосевских интерпретаций, вплоть до позднейших исследований ученого, связанных с теорией символа и мифа.

Жизнь Лосева неотрывна от жизни своего народа, с которым он разделил все испытания и все радости. Прекрасные книги Алексея Федоровича да и весь неустанный исследовательский труд отчетливо вписан в суровое время народной жизни. В 1941 году фугасная бомба прямым попаданием разрушила дом, в котором жил Лосев. Погибла почти вся библиотека — пять тысяч томов и многие рукописи ученого. Однако во время раскопок кое-какие рукописи и книги были найдены и спасены.

Живая реальность всегда объединена с историей — и гораздо теснее и даже грубее, чем подчас кажется нам. Думается, это всегда хорошо понимал не только Алексей Федорович, но и люди, близкие ему и прежде всего те, без которых немислима сама его творческая жизнь, я имею в виду Валентину Михайловну Лосеву, астронома и математика, специалиста в области небесной механики, а после ее смерти — Азу Алибековну Тахо-Годи, вторую жену Лосева, его верного помощника, тоже профессора античной истории. Философские и филологические исследования пронизаны переживаниями всей жизни, всеми ее потерями и обретениями. Причем Алексею Федоровичу в большой степени свойственно героическое осмысление собственной судьбы, идущее от постижения античной культуры: судьба человека обуславливает его жизнь, но **смысл человека — быть героем**.

Подвиг профессора Лосева прежде всего — в неукошительном служении избранному делу, в верности живому духу культурных традиций. Возрождение классической филологии — на фоне распространившегося во всем мире разгула нигилизма — дело необыкновенной важности. Жизнь и труды Лосева в этом смысле нельзя переоценить.

Не прерывається титанический исследовательский труд Лосева, я бы даже сказал, творческий азарт его, некий скрытый олимпийский огонь, горящий в нем всю жизнь. Очень важно для нас, что это наш с вами современник. Как необходима эта глубинная культура дню нынешнему! Без нее немислимо рождение подлинной литературы. Недаром космические и античные черты, равно как и глубоко национальные, волнуют нас и в «Тихом Доне», и в «Русском лесе», и в поэмах А. Блока, и в «Войне и мире», и в романах Ф. Достоевского, и в философских откровениях Федора Тютчева...